
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

К. Ю. МОЧАР

ИДЕОЛОГИЯ КАК СОЗИДАЮЩАЯ СИЛА ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются содержание и роль идеологии как социального и политического феномена, а также наиболее важные для развития общества характеристики и функции идеологии. Основное внимание обращено на тот аспект идеологии в современном ее понимании, который ориентирован на сохранение, воспроизводство и консолидацию общества. Проанализированы трактовки идеологии у К. Маркса, К. Мангейма и Р. Барта. Сделана попытка выявить и определить пути генезиса идеологии как особого социального и политического явления и как духовной основы формирования человека в качестве существа общественного. Проанализированы основные исторические этапы возникновения и развития идеологии, ее функциональная роль на разных этапах и прежде всего роль стабилизирующего и созидającego начала. Сформулировано авторское понимание современной гуманистической идеологии, которая способна обеспечить выживание и развитие человеческого общества.

Ключевые слова: идеология, религия, «пред-идеология», исторический процесс, Карл Маркс, Карл Мангейм, Ролан Барт, государство, функции идеологии, бессознательное, мотивации.

Идеология: понятие, функции и роль в общественном развитии

Тема идеологии, интуитивно воспринимаемая большинством критически мыслящих людей как принципиально важная для развития человека и общества, является классическим объектом анализа в философской и научной литературе (Маркс, Энгельс 1955; Мангейм 1976а; 1976б; Барт 2008). Исследования сущности и роли идеологии продолжаются и в настоящее время, подобный анализ

проводили и проводят отечественные и зарубежные философы, социологи, политологи (см., например: Жижек 1999).

Целью данной статьи является не очередное повторение известных определений и формулировок, связанных с понятием идеологии, а попытка найти в ранее наработанных человечеством духовных пластах культуры и политики важное и актуальное для сегодняшнего дня функциональное и идейно-теоретическое начало идеологии. То самое, без которого невозможно духовное и материальное развитие любого общества, в том числе российского.

С этой точки зрения существует возможность взглянуть на трактовки идеологии и представления о сущности этого понятия (казалось бы, классические и многократно повторяемые) по-новому и более пристально, исходя из понимания идеологии как духовного феномена, имеющего в современную эпоху огромную важность.

Итак, согласно общепринятым взглядам, идеология – это:

1) логическая и психологическая, поведенческая основа системы политического управления;

2) система взглядов и идей, политических программ и лозунгов, философских концепций, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, воплощаются интересы различных социальных классов, групп, обществ;

3) совокупность принципов, норм и правил, определяющих, устанавливающих и регулирующих отношения внутри сферы общественного производства и потребления.

С другой стороны, есть в понятии идеологии весьма любопытный и важный аспект, на который обратили внимание ряд известных исследователей. Так, согласно К. Марксу, идеология (относимая им к явлениям надстройки, зависящей от базиса – производственных отношений) выражает специфические интересы определенного класса, выдаваемые за интересы всего общества через механизмы формирования ложного сознания (Маркс, Энгельс 1955). Маркс, в частности, имеет в виду товарный фетишизм и другие явления буржуазного общества, но в данном случае более ценны другие моменты понимания идеологии, а именно *соотношение специфических и всеобщих интересов*.

Согласно К. Мангейму, идеология – это искаженное отражение социальной действительности, выражающее интересы определен-

ных групп или классов, стремящихся сохранить существующий порядок вещей (Мангейм 1976а; 1976б). В то же время идеология, по Р. Барту, – это современный метаязыковой миф, коннотативная система, приписывающая объектам не прямые значения и социализирующая их. Барт объяснял механизм появления политических мифов как превращение истории в идеологию при условии знакового оформления этого процесса (Барт 2008).

Иными словами, Барт по-своему подтверждал и «ложное сознание» Маркса, и «искаженное отражение действительности» Мангейма. «Миф (читай: Идеология) – это не ложь, не “ложное сознание” даже... Барт понимает Миф как переворачивание, искажение действительного мира, подобно тому, как образ искажает реальный предмет... Поэтому метаязык столь приемлем для Мифа. Ведь этот “язык” – вторичен. Это речь “по поводу”, о чем-то, его оторванность от контекста преобразовательной деятельности лишает предметы всякого следа “политики”, следа создания, преобразования или присвоения его человеком. Метаязык создан не для воздействия на вещи, но для их воспевания. Он не отрицает вещи, ибо это означало бы Ложь, но он делает их безобидными, обосновывая их в вечной и неизменной “природе вещей”, апеллируя к их “самоочевидности”, “данности”, которую можно лишь констатировать, но не объяснять» (Вальштейн 1996: 1–2).

Три вышеупомянутых определения – К. Маркса, К. Мангейма и Р. Барта – апеллируют к предназначению идеологии оправдывать существующий порядок, статус-кво в обществе. То есть здесь фиксируется понимание идеологии в узком смысле как теоретического выражения и обоснования интересов общественных классов или больших социальных групп (Мангейм 1976а; 1976б). Тех классов или тех групп, которые находятся у власти и которым никакие пертурбации, особенно в виде крайних проявлений политической борьбы в обществе, совершенно не нужны.

Рассматривая с таких позиций работу К. Мангейма «Идеология и утопия», можно найти подтверждение того, что автор, обращаясь к мышлению и к интересам социальной группы (класса), а также к коллективному бессознательному, говорит именно об *охранительной, стабилизирующей* функции идеологии. Таким образом, любая идеология является апологией существующего строя, защи-

той статус-кво; в этом и состоит стабилизирующая роль идеологии. Конечно же, такая роль обеспечивается еще и устойчивостью мировоззрения: «Каждая политическая точка зрения есть, однако, нечто неизмеримо большее, чем простое утверждение или отрицание однозначно постигаемых фактических данных. Она в каждом данном случае означает одновременно законченное мировоззрение. Важность этого обстоятельства для политика проявляется в стремлении всех партий влиять на формирование не только партийных взглядов, но и мировоззренческого мышления масс. Формировать политическую установку означает определить то отношение к миру, которое проникает во все сферы жизни» (Мангейм 1976а: 173). И далее: «В понятии “идеология” отражается одно открытие, сделанное в ходе политической борьбы, а именно: мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве. В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других, и тем самым стабилизирует его» (Там же: 52–53).

Этот взгляд на роль идеологии подтверждается известным высказыванием С. Жижека: «Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от действительности, а в том, чтобы представить саму социальную действительность как укрытие от некой травматической, реальной сущности» (Жижек 1999: 26).

При этом надо понимать, что вышеуказанное «скрывание действительного состояния общества» так же имплицитно обещает в дальнейшем его слом – в полном соответствии с идеями К. Маркса, убедительно показавшего, что именно потребности людей движут историческими событиями. Этому соответствуют и идеи Г. В. Ф. Гегеля, который под потребностью понимал «необходимость» и в работе «Философия истории» показал существование органической связи между необходимостью, господствующей в истории, и исторической деятельностью (Гегель 1935).

Таким образом, именно объективно необходимые потребности, при сложном и нелинейном, диалектическом развитии общества, заставляют людей действовать и менять вышеуказанную социальную действительность.

Приходится признать, что в соответствующие переломные периоды исторического процесса без деятельной, революционной функции идеологии (обосновывающей политическую борьбу за интересы определенных классов, ведущую к слому старых устоев) также было не обойтись. Ведь, как указывает Мангейм, «именно в политической борьбе люди впервые обнаружили *бессознательные коллективные мотивации*, которые всегда определяли направление мышления» (Мангейм 1976а: 52). И эти мотивации, на этапе их более или менее полного осознания, заставляют участников политической борьбы в той или иной мере менять свою жизнь – через изменение исторической действительности, в рамках которой они находятся.

А раз коллективное бессознательное – как господствующих, так и угнетенных групп – скрывает от них действительное состояние общества, то правящие группы не в состоянии увидеть ряд фактов, которые поставили бы под сомнение и подорвали их уверенность в своем господстве. Выдвигая и теоретически обосновывая свою систему идей как единственно истинную, правящий класс создает духовное образование, называемое *идеологией*. При этом, как отмечал Мангейм, «должно быть совершенно ясным, что понятие идеологии используется не в смысле негативной оценки и не предполагает наличие сознательной политической лжи; его назначение указать на аспект, неминуемо возникающий в определенной исторической и социальной ситуации, и связанные с ним мировоззрение и способ мышления. Подобное понимание идеологии, которое в первую очередь существенно для истории мышления, следует строго отделять от всякого другого. Тем самым не исключается, конечно, что в определенных условиях может быть выявлена и сознательная политическая ложь» (Там же: 149).

Иными словами, идеология выполняет и *деятельную* функцию, зачастую разрушающую, но нередко и созидающую. То, что обычно имеют в виду под идеологией классовой, вносящей раскол в общество или фиксирующей уже наличествующий раскол, выражает реальное противоречие в обществе. И за счет деятельного устранения этого противоречия общество переходит к новому динамическому равновесию.

Однако российское общество уже неоднократно пережило все «благие» последствия классовой борьбы под знаменем революционной идеологии. В нашем историческом опыте очень ярко запомнилось двукратное, в 1917 и 1991 гг., полное разрушение «до основания» российского государства. Эти воспоминания, а также положительный в целом опыт Китая и ряда других стран, сумевших перейти с революционной на эволюционную траекторию развития, весьма убедительно говорят нам об иной возможности. О том, что наиболее продуктивными и безболезненными являются не революционные, а эволюционные изменения общества и государства. Именно поэтому первая, *стабилизирующая* функция идеологии, пускай и базирующаяся на «ложном сознании», на «искаженной действительности», или на «современном мифе» с «непрямыми значениями», более приемлема, на мой взгляд, для любого вменяемого читателя и исследователя.

Кроме того, и это очень важно, необходимо стремиться к тому, чтобы в вышеуказанной действительности (обозначенной как «искаженная») находить реальные, актуальные смыслы, еще больше наполняя реальную жизнь такими смыслами и усиливая их. К тому, чтобы это была не призрачная иллюзия, возводимая нами для укрытия от невыносимой действительности, не «фантасмагорическая» конструкция, по самой своей сути служащая опорой для оправдания происходящего, а реальность, которую хочется принять и в которой хочется жить.

Деструктивная для общества и государства идеология

Однако, помимо исторически верной, правильно ориентирующей человека идеологии, которая категорически необходима любому обществу, возможен и другой тип идеологии, привносимой извне и чуждой большинству граждан. В современном мире, с его информационной, финансовой, экономической и политической глобализацией, практически невозможна ситуация, при которой у государства и общества нет внешних противников, склонных использовать различные политические силы внутри страны и с их помощью, осознанной или неосознаваемой, культивировать идеологию, соответствующую интересам этих внешних сил. В каждом государстве и в каждом обществе наличествуют радикально оппо-

зиционные настроения, сторонники которых готовы пойти даже на разрушительные для государства и общества действия ради обретения политической власти. Причем для достижения этой цели они, в большей или меньшей мере, готовы солидаризоваться с внешними врагами государства, что, в частности, неоднократно наблюдалось в истории России. Так, с интервалом в три четверти века мир дважды наблюдал результаты подобной практики: сначала на примере Российской империи, а затем – Советского Союза. Есть соблазн взвалить всю ответственность в обоих случаях на власть, хотя, строго говоря, ни в событиях февраля 1917-го, ни в событиях 1991 г. ее непосредственная вина не очевидна. И в одном, и в другом случае власть, безусловно, являлась активным участником исторической драмы. Но сложность задач, стоявших и в одном, и в другом случае перед обществом и государством, исключает простые ответы на вопрос о том, каким образом катастрофа государства, ставшего на путь реформ, оказалась возможной.

В любом государстве есть внутренние силы, стремящиеся разрушить этот политический организм сообщества. Но также естественно, что ответственные власти любого государства – в том числе и российского – обязаны хотя бы периодически проявлять решительность в вопросах обеспечения безопасности страны и ее граждан, пресекать попытки разрушительных действий со стороны таких сил. Естественно, при реализации этой важнейшей функциональной обязанности государства не должен нарушаться баланс политических сил в стране, недопустимы посягательства на законные права оппозиции и преследование остающихся в правовом поле критиков власти. Иными словами, осуществление государством этой функции безопасности страны и ее граждан без использования репрессивных практик предполагает формирование гуманистической по своему содержанию идеологии, учитывающей интересы большинства российских граждан и интересы Российского государства и в то же время эффективно противодействующей идеологическому натиску враждебных нашему обществу и государству сил.

Многие современные российские философы, политологи и социологи пишут о кризисных явлениях в современном мире, которые глубоко затрагивают и нашу страну. Так, философ и политолог В. И. Пантин обращает внимание на изменения, связанные «с глу-

боким культурно-цивилизационным расколом в мире, порожденным противостоянием постмодернизма Запада, антимодернизма исламского мира и культур, сочетающих или пытающихся сочетать модерн (или его аналоги) с собственными культурными традициями России, Китая, Индии, некоторых других стран Азии... Вызвано это противостояние чрезвычайно агрессивной идеологической и информационной экспансией стран Запада» (Пантин 2017: 18). Иными словами, Запад пытается навязать всему миру унификацию, уничтожающую культурное и цивилизационное разнообразие и ведущую человечество к деградации.

Автор отмечает, что данная тенденция борется с «тенденцией сохранения и развития культурного и социального разнообразия человека». Нельзя не согласиться с его выводом, «что от исхода этого духовного, культурно-цивилизационного и идеологического противостояния прямо зависит все дальнейшее развитие человека, которое может вылиться в деградацию и постепенное вырождение...» (Там же). Правда, в соответствии с задачами своей работы, В. И. Пантин скорее проецирует эти выводы на будущее; но надо признать, что подчеркиваемое им «духовное, культурное, нравственное и идеологическое противостояние» на самом деле давно уже присутствует в современном мире. Да, антимодернизм исламского мира в качестве весьма уже заметного явления в большей степени наблюдается в последние годы. А вот влияние (скорее даже, «победное шествие») постмодернизма Запада, вместе с его массовой потребительской культурой, сексуальной революцией и культом удовольствий «здесь и сейчас», в тех или иных своих проявлениях уже давно включено в рутину повседневности нашей планеты. В целом В. И. Пантин не отрицает, что вышеуказанный процесс (связанный с растущим влиянием потребительства, массовой культуры и постмодернизма) начался довольно давно. Он, в частности, пишет, что еще в период 1945–1953 гг. на фоне «появления новых средств массовой информации, прежде всего телевидения» был сделан очередной принципиально важный шаг в «процессе деградации и “американизации” культуры Запада, ее превращения в “массовую культуру”» (Там же).

Эти и другие новые опасности (в том числе порожденные развитием глобального рыночного общества и глобального капита-

лизма) (Лапкин, Пантин 2017), угрожают самому существованию человечества. Они проявляются как в виде неосознанных идей и потребностей, проникающих через массовую культуру, так и в виде сознательно устанавливаемых смертельных «ловушек развития» на пути движения человечества в будущее. Речь идет о прогрессирующем «расчеловечивании» и о соответствующей «расчеловечивающей», антигуманной идеологии, которая может принимать самые разные формы – от радикального ультралиберализма до этнически окрашенного национализма и нацизма.

**Роль и место главной «божественной заповеди»
в возникновении человека и идеологии**

Чисто философский, чисто политологический, чисто социологический или чисто семиотический (как у Р. Барта) подход не может полностью и исчерпывающе объяснить генезис, развитие и роль идеологии в человеческом обществе: требуется интегративный подход, рассматривающий разные стороны, аспекты и функции идеологии в их единстве. Пока что такой интегративный подход в общественных и гуманитарных науках не разработан, хотя многие выдающиеся мыслители выявили важные стороны и моменты феномена идеологии. Автор статьи предлагает несколько иной подход, который отчасти подсказывает народная мудрость и (или) «народная философия». Козьма Прутков в свое время изрек: «Зри в корень». Следуя его совету, попробуем посмотреть на историю человечества и человека как вида, от самых его истоков.

Речь идет о становлении собственно человека, с его уже в полной мере человеческими, то есть гуманистическими, признаками. Интуитивно понятно, что умственные и речевые способности человека напрямую связаны с тем, что человек является общественным существом. Понятно также, что человеческий индивид физически далеко не самый сильный среди других представителей животного мира Земли и изначально не самый защищенный от неблагоприятных условий внешней среды. Но преодолеть свои слабости, выжить и распространиться практически во всех климатических зонах он смог лишь благодаря тому, что существовал в группе, сообществе или племени, постоянно взаимодействовал с другими себе подобными существами на протяжении всей своей жизни. Именно в первобытной группе у данного индивида сформировались ум и речь.

Здесь мы подходим к главному – к определению и анализу факторов, в связи с которыми оказалось возможным вышеуказанное очеловечивание. Все биологические победы человека как вида, его возвышение (при наличии такого необходимого условия, как большой и относительно развитый мозг) произошли, по нашему мнению, только благодаря присущему ему уникальному духовному моменту, который мы назовем «пред-идеологией». С тем, что на определенном этапе развития человека сформировались практики взаимопомощи, пришло глубокое и искреннее осознание, что лишь помогая ближнему, только действуя сообща, можно сохранить себя, свою семью и свое племя, свое сообщество. Что люди смогут выживать в последующем, лишь объединившись против жестокого *другого*, пришедшего издалека и грозящего полным уничтожением.

Уже тогда у человека древнего появилось интуитивное понимание данного духовного феномена, а также его осознание и устойчивый навык следования этой норме. Именно в этом, совершенно искреннем, а не лицемерном следовании такому пониманию неразрывной связи с себе подобными, правило-заповедь *возлюби ближнего своего* работает в полную силу. (Напротив, лицемерием сегодня насквозь проникнута цивилизация западного мира, основанная на началах всеобщей коммерциализации.) И точно так же, как любовь к своему половому партнеру ведет к рождению нового существа, так и «любовь к ближнему» дала начало рождению человека в современном его понимании, как индивида, имеющего дуальную – биологическую и духовную – основу.

Можно сделать некий промежуточный вывод: необходимыми и достаточными причинами появления человека как существа разумного были не только биологические предпосылки – большой мозг, потенциально способный развиться в мозг *Homo sapiens*, но и *предпосылки идеологические*, выражающиеся во взаимопомощи, то есть в следовании правилу любви к ближнему.

Почему эти предпосылки следует назвать идеологическими? Потому что даже на первобытном уровне развития человека эту его духовную «первооснову», или «пред-идеологию», уже можно «поверить» на трех основных определениях идеологии, рассматривая их пока несколько упрощенно, без учета фактора политической борьбы (но, возможно, в какой-то мере и принимая его во внимание).

В результате мы убеждаемся, что всем трем общепринятым и приведенным в начале статьи характеристикам «пред-идеология» соответствует, то есть по сути является идеологией, будучи:

1) логической и психологической, поведенческой основой системы политического управления (или взаимодействия индивидов в группе);

2) взглядами и идеями, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу;

3) совокупностью принципов, норм и правил, определяющих, устанавливающих и регулирующих отношения людей внутри сферы общественного производства и потребления.

Данная «пред-идеология» наверняка появилась еще до оформления первых религий, но она вошла в эти религии в качестве их этической основы, основы того, что будет названо потом божественными заповедями. Значение заповеди любви к ближнему как основы «пред-идеологии» трудно переоценить, потому что она является одновременно: 1) главной божественной заповедью, из которой исходят все остальные заповеди всех гуманистических религий; 2) красивым, по-своему совершенным этическим правилом, не зря называемым золотым (именно на нем и базируются все остальные этические правила); 3) основой любой созидательной и развивающей, гуманистической идеологии, начиная от нашей «пред-идеологии». А еще – это обязательная основа всей культуры и настоящего искусства, основа всякой духовности человека.

И здесь мы можем лишней раз убедиться в правильности интуитивного понимания того, что прекрасное является еще и рациональным (это ведь наблюдается не только в технике, например, в самолетостроении или судостроении). Представляя собой прекраснейшее правило и основание духовности человека, данная основа одновременно является еще и чисто рассудочным, прагматическим осознанием жизненно важного, необходимого, разумного правила: если ты поможешь окружающим, то, скорее всего, они выручат и тебя, когда такая помощь тебе остро потребуется.

Очень ценно и то, что и в «пред-идеологии», и в религии как идеологии, и в идеологии современной (если она созидательная, гуманистическая, выполняющая охраняющие, стабилизирующие функции) есть эта общая и очень важная основа, то есть фактическая, сущностная база – любовь к ближнему.

Автору статьи не удалось, к сожалению, найти у других исследователей четкой и однозначной фиксации правила любви к ближнему как основы и сущности «пред-идеологии», конкретно повлиявшей на со-творение человека. Допускаю определенную поверхностность подобных поисков. Вместе с тем констатация роли религии как ступени в развитии идеологии (даже если это и не декларируется подобным образом), а также мнение о влиянии религии на генезис человека довольно часто встречается у ряда авторов, в том числе современных.

В частности, подобное утверждение доказывает работа Александра Леонидова «Потоп после них» (Леонидов 2018). Там сказано следующее: «В основе биологической и экономической жизни лежит “дележка” ресурсных единиц. Но люди давно бы уже перебили друг друга, если бы не особая категория духовных ценностей. И эти ценности определяет и выстраивает Разум как феномен. То есть процессу бесконечного деления и размежевания Разум противопоставляет обобщение, соединение. В высших формах это обобщение принимает характер инфинитики. Эта способность (смотреть на мир глазами Бога и оценивать события с точки зрения Абсолюта, а не локальной замкнутости), в сущности, и производит человека, а также связанную с феноменом человека человеческую цивилизацию. Все прочее в человеке возвращает его в животное состояние, делает локальным хищником. Именно поэтому самые первые (как и последующие) цивилизации возникают вокруг храмов, государственность и культура отрастают от храмов. Они переплавляют бандитизм и хулиганство в политику, мародерство и разбой – в экономику, безумный обкурившийся шаманизм – в связанный и последовательный код культуры» (Там же).

Проблеме любви к ближнему как основе возникновения нравственности и религии посвящена фундаментальная работа выдающегося русского философа Владимира Соловьева «Оправдание добра». В этой работе Соловьев рассматривал жалость и любовь к ближнему как основу исторического генезиса нравственности (Соловьев 1996: 100–115). В частности, он писал о возникновении христианства: «К отрицательному предписанию: *не люби мира* – библейская этика присоединяет два положительные: *люби Бога* *всем сердцем своим* и *люби ближнего как самого себя*. Эти две

любви правильно различаются между собою, ибо особенностью предметов непременно обуславливается и особенность в должном, нравственном отношении к ним. Любовь к ближнему определяется жалостью, любовь к Богу – благоговением. Любить ближнего, как самого себя, – реально значит жалеть его, как самого себя, и любовь к Богу всем сердцем означает всецелую преданность Ему, полное соединение своей воли с Его волей, т. е. совершенство сыновнего, или религиозного чувства и отношения» (Соловьев 1996: 132).

Предпосылки возникновения современной гуманистической идеологии

Как уже было сказано выше, исходя из основной идеи данной статьи, нас меньше интересует классовая, политическая идеология, которая характеризуется скорее разрушительными, чем созидательными функциями. Однако последние существуют даже в классовых идеологиях. Так, современные политические идеологии как определенный духовный феномен возникают в Новое время в период буржуазных революций – особенно если иметь в виду более или менее современное понимание идеологии. И почти таким же общим местом стало утверждение, что предпосылки возникновения таких идеологий начали проявляться еще в период Реформации в XVI в. – именно последняя привела к появлению религиозного плюрализма, к разделению светской и духовной власти. Иными словами, в результате Реформации произошла определенная секуляризация мировоззрения, оно стало более свободным, многоплановым и динамичным.

Карл Мангейм придерживался этой точки зрения, но указывал, что ростки вышеуказанного процесса стали заметными чуть ли не на 2 тысячи лет раньше. Свою историческую ретроспективу он начинал от Сократа и скептиков, от «общей демократизации» того времени – именно она, «а не просто социальное продвижение, пусть даже значительное, отдельных лиц, может привести к тому, что возвышение низших слоев повлечет за собой общественное признание их мышления» (Мангейм 1976а: 16). «...Лишь процесс демократизации создает возможность того, что образ мышления низших слоев, не имевший ранее общественной значимости, теперь впервые обретает значимость и престиж. С того момента... методы мышления и идеи низших слоев впервые могут быть противопоставлены идеям господствующего слоя на равном уровне значимо-

сти, и только теперь эти идеи и формы мышления могут заставить человека, мыслящего в их рамках, подвергнуть фундаментальному переосмыслению объекты своего мира» (Мангейм 1976а: 16).

Здесь Карл Мангейм подошел к важному вопросу о функциях и роли идеологии: «Столкновение различных типов мышления, каждый из которых в равной степени претендует на репрезентативность, впервые делает возможной постановку столь рокового и столь фундаментального для истории мышления *вопроса*, а именно: как могут *идентичные процессы* мышления людей, объектом которых является один и тот же мир, создавать *различные концепции* этого мира. А отсюда лишь шаг к дальнейшему вопросу: не может ли быть, что эти процессы мышления совсем не идентичны? Не придется ли мы, исследовав все возможности человеческого мышления, к выводу, что существует множество различных путей, по которым можно следовать?» (Там же).

Таким образом, происходит осознание того, что мышление разных групп общества тоже может быть различным. Точнее, благодаря происходящей демократизации общества, мышление, а значит, и интересы, и ценности низших групп общества, уже невозможно игнорировать. Отсюда уже недалеко и до признания разных интересов и ценностей, а также до появления разных идеологий, выражающих эти интересы и ценности.

Правда, при этом Мангейм все равно редуцировал мышление каждого конкретного индивида до некоего усредненного. Тогда как глубокое понятийное мышление некоторых представителей интеллектуальной элиты в принципе нельзя сравнивать и тем более усреднять; это глубокое понятийное мышление нельзя даже рядом ставить с мышлением сиюминутным, тактическим, конъюнктурным, которое свойственно индивидам преобладающей части населения.

К. Мангейм отмечал, что для основной массы населения, живущей более или менее бездумно, «жизнь без коллективных мифов трудно переносима. Купец, предприниматель, интеллектуал – каждый на свой лад – занимает положение, которое требует рациональных решений в делах повседневной жизни <...> Индивиду необходимо освободить свое суждение от постороннего влияния и рационально, с точки зрения своих собственных интересов, продумать ряд вопросов. Это не распространяется ни на прежних крестьян, ни на недавно появившийся слой низших служащих – “бе-

лых воротничков»; их положение не требует особого проявления инициативы или спекулятивного предвидения. Их поведение до известной степени регулируется мифами, традициями и верой в вождя. Тот, кто не приучен... принимать самостоятельные решения, иметь собственные суждения о том, что хорошо и что плохо, кому никогда не предоставлялась возможность разложить ситуацию на ее отдельные элементы, кто не способен достигнуть самосознания, сохраняющего свою силу и тогда, когда индивид изолирован от свойственного его группе характера мышления и предоставлен самому себе, тот не вынесет, даже в религиозной сфере, такого серьезного внутреннего кризиса, каким является скептицизм» (Мангейм 1976а: 47).

Переходя к более строгому дискурсу, отметим, что, согласно Мангейму, первоначальная идеология, мифологическая, подвергается сомнению и вынуждена уменьшить объем своего духовного воздействия, она как бы «потесняется», дает место идеологиям других классов, поднимающихся и приобретающих большую значимость. Нечто подобное, уже в ощутимо больших масштабах, происходит и в Новое время, в период Реформации в XVI в., когда успехи в естествознании усилили «расцерковление», или секуляризацию сознания. Что, в свою очередь, способствовало формированию светского мировоззрения и появлению гражданской концепции политики. В связи с этим нелишне будет вспомнить известнейшего философа, представителя эмпиризма Д. Юма. Того самого шотландца, которого в Великобритании многие считают величайшим английским философом, выдвинувшим столь долгожданный для всего думающего человечества и бесспорно лучший критерий истины: «опытная подтверждаемость». Этот критерий К. Маркс затем успешно развил и популяризировал уже в качестве своего важнейшего утверждения: «Главный критерий истины – практика».

В период Реформации происходит еще один ключевой процесс: одновременно с формированием социальной структуры буржуазного общества формируются и современные политические идеологии. И каждая из таких идеологий определенным образом систематизировала политическое сознание в соответствии с конкретными групповыми, классовыми, национальными и межнациональными интересами. То есть данные идеологии становятся своего рода религиями, даже можно сказать, «символами веры» светского общества.

Нелишне заметить, что при сопоставлении исторической роли религии и идеологии оказывается, что по своим функциям они в известной мере чередуются и дополняют друг друга. Так, с одной стороны, вспомним, что на одном из этапов генезиса гуманистической идеологии, сразу после начала творения человека как *Homo sapiens* – человека разумного и общественного и, соответственно, после этапа «пред-идеологии», наступает этап религии, во многом играющей роль идеологии. Об этом уже шла речь выше: религия тоже отчасти является идеологией, выполняя ряд ее функций.

С другой стороны, британский историк и философ А. Дж. Тойнби считал идеологии национализма, либерализма и социализма особым типом верований, то есть своеобразными светскими религиями. Понимание идеологии в качестве квази- или эрзац-религии объясняется особенностями массового сознания. Ведь если ученые, занимающиеся вопросами идеологии, обладают необходимыми теоретическими знаниями вместе с определенным уровнем культуры, то народным массам, как правило, все это недоступно. Проще дать им знание идеологии как веру. То есть, при правильном воспитании-образовании (и, соответственно, внушении), идеология наделяется статусом системы определенных, твердых и специфических убеждений, имеющих силу веры.

В связи с этим утверждением сразу вспоминаются и относительно недавние события на Украине, и довольно обоснованное мнение, что русофобскую идеологию Запад внедрил в сознание ее граждан теми же методами, которыми, в частности, пользуются тоталитарные секты. И здесь следует сделать основной, как представляется, весьма важный вывод (и для данной работы, и, по сути, для исследуемой нами проблемы идеологии в целом): главное в идеологии не то, что она фактически является изначальным и в то же время основным орудием политической борьбы. Главное состоит в том, что только тогда, когда эта идеология дает верные ориентиры развития человека и общества, то есть является *гуманистической*, только тогда она ведет к стратегической цели выживания человечества и его подлинного развития, духовного и материального.

Подобно тому как идеология, еще в статусе «пред-идеологии», в свое время стала важнейшим звеном творения человека, так именно она при постоянном осознании своей основы – любви к ближнему – может спасти человечество от гибели. Не новые

изобретения, даже самые потрясающие, не фантастические достижения науки, и даже не межзвездные полеты с целью создания новых земных колоний в далеких звездных системах, – а только человечность, выраженная в системе идей, гуманистической, обращенной к человеку и преодолевающей отчуждение идеологии.

Иными словами, такая идеология представляет собой одновременно и необходимое условие, и важнейшее средство созидания, выживания, развития – как отдельных обществ, так и человечества в целом.

Литература

Барт, Р. 2008. *Мифологии*. М.: Академический Проект. 351 с.

Вальштейн, М. 1996. *Парадоксы критики идеологии: Ролан Барт*. URL: https://www.academia.edu/3607795/Парадоксы_критики_идеологии_Ролан_Барт (дата обращения 10.04.2019).

Гегель, Г. В. Ф. 1935. *Соч.*: в 14 т. Т. VIII. *Философия истории*. М., Л.: Соцэкгиз. 468 с.

Жижек, С. 1999. *Возвышенный Объект Идеологии*. М.: Художественный журнал. 114 с.

Лапкин, В. В., Пантин, В. И. 2017. Историческая динамика международной рыночной системы: циклы лидерства, геополитическая экспансия и перспективы трансформации мирового порядка. *История и современность* 1: 17–61.

Леонидов, А. 2018. Потоп после них. *Экономика и Мы* 9 января. URL: <https://economicsandwe.com/8A6C6DD797BD193A/> (дата обращения: 10.04.2019).

Мангейм, К.

1976а. *Идеология и утопия*. Ч. 1. М.: АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам. 247 с.

1976б. *Идеология и утопия*. Ч. 2. М.: АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам. 151 с.

Маркс, К., Энгельс, Ф. 1955. *Соч.* 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд. полит. лит-ры. 630 с.

Пантин, В. И. 2017. Период 2017–2025 гг.: Перелом в мировом развитии. *История и современность* 1: 3–27.

Соловьев, В. С. 1996. *Оправдание добра: Нравственная философия*. М.: Республика. 479 с.